

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

КРОССКУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

© 2004 г. Т. П. Емельянова

*Кандидат психол. наук, доцент, зав. кафедрой социальной психологии,
декан факультета психологии Тверского государственного университета, Тверь*

Анализируется история кросскультурной психологии, ее первые шаги и основные направления с 60-х до 90-х годов XX в. Приводятся результаты международного исследования, в котором принимала участие автор статьи, построенного на основе изучения культурных параметров, выделенных М. Дуглас, и посвященного самораскрытию в общении. Намечаются две ведущие тенденции в методологии кросскультурной психологии, сформировавшиеся в 90-х годах. Предпринимается попытка сравнительного анализа основных эмпирических подходов этого периода (Г. Ховстеде, Ш. Шварц, М. Бонд). Обсуждаются методологические схемы и результаты кросскультурных исследований в рамках концепции социальных представлений.

Ключевые слова: кросскультурные подходы, межкультурные различия, социальные представления.

СТАНОВЛЕНИЕ КРОССКУЛЬТУРНЫХ ПОДХОДОВ

Сейчас, по прошествии почти четырех десятилетий, можно сказать, что кросскультурная психология возникла как особое направление социально-психологических исследований. В начале 60-х годов американская социальная психология не могла не ответить на “злобу дня” общественных умонастроений и не активизировать возможное изучение социально-психологических явлений. По словам Г. Триандиса, сказанным во введении к его более позднему учебнику “Культура и социальное поведение”, он “написал эту книгу так, чтобы ее можно было использовать либо как сопровождение для базового учебника по социальной психологии, из которого преподаватель может выбрать несколько глав, либо как текст для курса о культурных различиях в социальном поведении. Она ставит своей целью расширение кругозора студента. Преподаватели и студенты найдут этот текст непосредственно применимым в курсах, задуманных для укрепления культурного плюрализма учебного плана” [24, с. XV].

Бурное развитие прикладных областей, связанных с бизнес-консультированием, международными отношениями, экологическими науками, социальной работой, требовало социально-психологических знаний, приближенных к реальному межкультурному взаимодействию. Кросскультурная психология была призвана ответить на этот практический запрос расширением границ социальной психологии для того, чтобы она

“оставалась валидной для большинства людей” внутри и вне США.

В предисловии к упомянутому учебнику Триандиса 1994 г. научный редактор серии Ф. Зимбардо подчеркивает особенность социальной политики, которая с 60-х годов фокусируется на признании ценности различий между людьми. Во многих областях американской жизни разнообразие стилей с этого времени не просто принимается, но и поощряется. Различия по признаку расы, пола, этноса, религии, сексуальной ориентации начинают признаваться продуктивными: “Такое разнообразие вносит новые богатые краски в ткань нашего существования” [там же, с. XII]. В это время в США активизируется политика мультикультурализма.

Население США исторически формировалось благодаря притоку иммигрантов; политологи предполагали, что примерно до середины XX в. в ходе урбанизации, развития постиндустриального общества этнические меньшинства ассимилируются и растворяются. Однако в реальности все произошло наоборот – чувство этнической идентичности в сообществах иммигрантов только укреплялось. Стало ясно, что в среде итальянцев, греков, арабов иммигранты желали сохранять родной язык и традиционные ценности.

Понятие научного “этноцентризма” появляется уже в 60–70-х годах и в течение трех последующих десятилетий превращается в мишень постоянной критики в самом лагере кросскультурной психологии. “К сожалению, этноцентризм, подразумевающий убежденность в превосходстве собственной культурной группы, повлиял на ис-

следования в социальной психологии, так что даже некоторые из наиболее уверенных выводов в социальной психологии не работают при оценке культур за пределами Северной Америки”, – с горечью констатируется в другом авторитетном канадско-американском издании по кросскультурной психологии [23, с. 11]. Обращается внимание на “самодостаточность” американских психологов, которые практически не работают за пределами США [там же, с. 13].

Стала ощутимой необходимость выхода за рамки поисков социально-психологических универсалий, всегда считавшихся основной задачей этой науки, что потребовало существенного продвижения в области методики и организации исследований. Такого рода усилия и были предприняты кросскультурными психологами, которые столкнулись с новыми для этой области науки проблемами: организацией международных проектов, созданием программ полевых исследований, восприятием опыта работы культурных антропологов. Поначалу маргинальная в структуре социальной психологии кросскультурная психология к концу 80-х получает права гражданства и в социальной, и в общей психологии. Этот рост влияния связан не только с нараставшим объемом исследований, на основе которых были выдвинуты убедительные интерпретации. Можно сказать, что данные кросскультурных исследований оказались востребованными практикой в большей степени, чем академические результаты лабораторных исследований “чистых” социальных психологов: кросскультурные проекты имели хорошее обеспечение, к ним привлекались все более серьезные научные силы, образовывались научные сообщества, в том числе Международная ассоциация кросскультурной психологии (IACSP).

Не менее важно и то, что сами академические социальные психологи все больше убеждались в том, что кросскультурные данные не просто наращивают эмпирическую базу социальной психологии, но и зачастую радикально меняют существо видения феномена. Именно так случилось с закономерностями, выявленными в “Я-концепции”. Эффекты, казавшиеся базовыми, такие, как “эффект соотнесения с собой” и “эффект эгоцентрического смещения” в автобиографической памяти, оказались специфическим эффектом самовосприятия личности в западной культуре. Аналогичные открытия происходили в области аттитюдов, социальных ролей и др. Новое видение известных социально-психологических феноменов в свете кросскультурных исследований – это, пожалуй, наиболее эффектная часть работ Триандиса.

Кросскультурное расширение социально-психологической перспективы происходило и в другом направлении – исследовались различные

культуры в рамках международных корпораций. Тем самым одновременно решались две задачи: с одной стороны, выявляли общее в организационной культуре фирмы, а с другой – различия, которые имеются в национальных отделениях конкретной фирмы. Объектами исследований становятся такие промышленные гиганты, как “Дженерал моторс”, корпорации Форда и IBM. Появились и другие направления в кросскультурных программах – изучение культурных различий внутри общества, не связанных с этносом. Речь идет о гендерных различиях, а также о культурных различиях, обусловленных нетрадиционной сексуальной ориентацией.

В последнее десятилетие, кроме отмеченных здесь этнического, организационного и гендерного направлений, можно наблюдать развертывание исследований, посвященных социокультурным аспектам межличностных отношений; соотношения традиционных и современных моделей поведения в странах, где отчетливо представлены элементы традиционной культуры; брачно-семейных отношений, здоровья, делового общения, организационного взаимодействия.

При общем взгляде на массив современных кросскультурных исследований, представляемых, в частности, на международные конференции (см., например, [12]), складывается впечатление, что в последнее время кросскультурная психология развивается прежде всего по экстенсивному пути, занимаясь поисками сфер проявления кросскультурных различий. Для становления новой области науки это совершенно закономерный этап, результатом которого должно стать определение границ предмета. Между тем такие насущные вопросы для любой новой науки, как спецификация феноменов, формирование корпуса понятий и их операционализация для целей эмпирического исследования, еще далеки от своего решения.

Все чаще в обобщающих работах кросскультурных психологов можно встретить высказывания, говорящие о необходимости формирования общей теории, которая бы организовала и направляла исследования, “интегрируя многочисленные эмпирические факты” [6, с. 8]. Между тем именно создание такой единой общей теории наталкивается прежде всего на трудности теоретического характера, состоящие в понимании самого феномена культуры, или, говоря словами Триандиса, в решении вопроса: “Где находится культура? Вне или в разуме ее членов?” [24, с. 19]. Культура, понимаемая как внешний феномен, требует изучения процессов адаптации к ней, усвоения ее норм, совладания с ее давлением, подчинения ей или борьбы с ее требованиями. Отсюда – одна методология психологического исследования. Если же культура находится “в разуме ее членов”, то

возникают задачи исследования природы и места культурных феноменов в структуре психики, психологических механизмов культурного сознания на уровне индивида и групп.

Между тем как в культурологии, так и в кросс-культурной психологии продолжают сосуществовать обе точки зрения, причем они используются часто в зависимости от того, как понимается предмет кросскультурного исследования. При изучении миграций, аккультурации, международного бизнеса, межнациональных конфликтов чужая культура выступает в качестве внешнего фактора, обуславливая блок соответствующих психологических подходов. В психолого-антропологических же, культурно-психологических исследованиях культуру пытаются понять как особую ментальность, выявляя ее исторические корни и психологические механизмы. Сам Триандис, впрочем, пытался объединить обе точки зрения, утверждая, что культура находится “в разуме”, но ее нельзя понять, не интерпретируя такие факторы ее формирования, как экология и история [24, с. 20–23].

Как известно, Триандис дополняет традиционное понимание культуры делением ее на объективную и субъективную: если в качестве объективной культуры он приводит примеры технических объектов (инструменты, дороги, радиостанции) то в качестве субъективной – психологические феномены [там же, с. 2].

Тем не менее основным предметом кросскультурной психологии для этого авторитетного исследователя оставались культурные особенности поведения, зависящие от “элементов субъективной культуры”, за которые принимались все те же традиционные для американской социальной психологии феномены: аттитюды, нормы, роли, правила, стереотипы, атрибуции, убеждения и т.п. В этот перечень включались и социально-когнитивные феномены: ассоциации, категоризации, коннотативные значения. Таким образом, вслед за Триандисом долгое время считалось, что только эти привычные и устоявшиеся социально-психологические явления и должны изучаться кросскультурной психологией. Ситуация казалась однозначной, тем более что именно в проявлении данных социально-психологических феноменов и были обнаружены существенные культурные различия, которые были представлены Триандисом в качестве основного содержания новой науки [24].

Между тем развитие кросскультурной психологии сопровождалось не только расширением культурных границ традиционной академической социальной психологии. Примером могут служить многочисленные американские исследования различий в общении (см. об этом [6]). За пределами США социальные психологи также осва-

ивали новые сферы этого предмета. Так, под руководством Р. Гудвина в Великобритании и других европейских странах проводились кросс-культурные исследования семейных отношений [13, 14] и межличностного общения [15], в Канаде М. Бондом – исследования организационной культуры [9] и др.

В них предполагалось, что культура благодаря влиянию неких “независимых” переменных, в частности коллективизма–индивидуализма, создает особые конфигурации известных социально-психологических феноменов. Именно линия доказательства существования универсальных “измерителей” культуры становится наряду с расширением предметной области этой науки одним из основных направлений развития кросскультурной психологии 80-х. В середине 90-х годов интеграция этих двух методологических подходов казалась достаточно продуктивной.

КРОССКУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ПОИСКАХ МЕТОДОЛОГИИ И ТЕОРИИ

Сформировавшись к 90-м годам как своего рода расширительный вариант социальной психологии, кросскультурная психология продолжила активные поиски собственного предмета. Одно из направлений этого поиска связано с выдвижением Триандисом понятия культурного синдрома. Импульсом для такого выдвижения явилось намерение описать связь между феноменами: культурными (независимая переменная) и социально-психологическими (зависимая переменная). Такая методология “классического эксперимента”, очевидно, была продиктована пониманием культуры как “рукотворной части среды”, по Герковицу, которая извне обуславливает культурную специфику тех или иных социально-психологических явлений. Именно эта теоретическая посылка и диктует методологию сложившейся к 90-м годам американской кросскультурной психологии: сравнение культур “X” и “Y” по выполнению задачи “Z” [26, с. 106]. Из нее следует схема любого традиционного кросскультурного исследования, например сравнение либо аттитюдов в двух культурах, либо ценностных ориентаций, норм, выполнения ролей, справляющегося поведения и т. п. Парадоксально, но, несмотря на уже сформировавшееся в научных кругах неприятие “евроцентризма” в кросскультурных программах, в конкретных исследованиях, как правило, главной задачей продолжает оставаться поиск психологических универсалий (этик-компонентов) или пунктов различия (эмик-компонентов). В практике исследований эта методология сравнения оборачивалась попытками специалистов выявить преимущественно отличия между культурами, применяя западный инструментарий к местному материалу незападных культур (см. об этом [8,

с. 31]). Однако, как указывают авторы одной из обобщающих работ [19], это чревато ошибками: так, если в западной культуре интеллект означает прежде всего способность эффективно общаться и преуспевать в обществе, то интеллект в местном обществе индейцев рассматривается как социальная компетентность, гуманитарная позиция и контроль над негативными эмоциями. При сравнении совершались ошибки, впоследствии обобщенные под названием “интеллектуальный колониализм” [26, с. 106]. “Евроцентризм” оставался неизжитым и, по-видимому, явился логическим следствием этой схемы.

Между тем направление “культурного сравнения”, согласно схеме Триандиса, по заданным параметрам-измерениям развивалось в 80–90-х годах очень бурно и к настоящему времени представлено огромным количеством авторов, совокупность работ которых могла бы составить библиотеку. Одной из них является исследование кросскультурных аспектов общения с помощью культурных измерений, предложенных Мэри Дуглас [11], которое было предпринято нами в составе международной группы социальных психологов под руководством Р. Гудвина [15]. Разумеется, межкультурные особенности общения изучались и ранее. Можно даже сказать, что этот предмет был одним из наиболее популярных как в культурной антропологии, так и в кросскультурной психологии, причем в последней преимущественно в связи с анализом “индивидуализма–коллективизма” или с попытками выделения культурных стилей общения.

В нашей совместной работе изучалась глубина самораскрытия в процессе общения. При кросскультурном исследовании этого феномена мы опирались на предположение Дуглас о существовании четырех вариантов мировосприятия и соответствующих им социальных отношений: эгалитарного, фаталистического, индивидуалистического и иерархического, различающихся по “групповому” измерению (интенсивность присоединения индивида к группе и степень ее воздействия на него) и измерению “решетки” (степень ограничений индивидуальных взаимодействий).

Предполагалось, что тенденция к эгалитаризму (высокая “группа”, низкая “решетка”) связана с верой в равноправные социальные отношения и с высокой степенью самораскрытия. Фаталистическое мировосприятие (низкая “группа”, высокая “решетка”) связано с зависимостью, бессилием, социальной изоляцией и незначительным уровнем самораскрытия. Индивидуалистическому типу (прототип капиталиста: низкие “группа” и “решетка”) свойствен высокий уровень недоверия, а индивидуальное самораскрытие будет низким. Наконец, предполагалось, что у иерархического типа (оба параметра с высокими значениями) ограничено самораскрытие по отношению к людям с другим социальным статусом.

Предполагалось, что люди в более коллективистских культурах будут демонстрировать большую степень глубокого раскрытия перед друзьями, семьей и романтическими партнерами, студенты – проявлять большую степень раскрытия в целом, респонденты молодого возраста – раскрываться более глубоко; это же касается женщин и тех, кто разделяет эгалитарное мировосприятие. В исследовании принимали участие 450 испытуемых: по 50 предпринимателей, 50 работников физического труда и 50 студентов из трех государств – России, Венгрии и Грузии. Студенты (66% жен-

щин, средний возраст 21 год) обучались на разных факультетах университетов каждой из этих стран. Работники физического труда (37% женщин, средний возраст 39.5 года) были заняты на поточных линиях крупных предприятий (преимущественно на текстильных фабриках и заводах электрооборудования). Предприниматели (57% женщин, средний возраст 32 года) были владельцами киосков, занимаясь в основном небольшими закупками и продажей товаров.

Анализ результатов показал, что студенты были более склонны к раскрытию перед близкими друзьями, чем работники физического труда или предприниматели, а женщины-респондентки (особенно в Венгрии) менее склонны обсуждать политику. В целом венгры оказались наиболее склонными к глубокому самораскрытию со всеми категориями, кроме случайных знакомых, и по всем темам, за исключением сексуальных проблем. Как предполагалось, самораскрытие у студентов оказывается более глубоким. Грузинские предприниматели и вообще грузинская группа испытуемых наиболее склонны к глубокому самораскрытию перед знакомыми. Это может быть отражением социальных функций профессиональной деятельности предпринимателя в Грузии по сравнению с Россией или Венгрией. В интервью грузинские испытуемые сообщали, что их работа позволяла им развивать социальную активность, поскольку предполагала расширение поля социальных контактов из-за многочисленных визитов, обменов подарками и т. п. В России же и в Венгрии предприниматели с сожалением говорили о нехватке времени из-за трудовой деятельности. По результатам нашего исследования, ни эгалитаризм, ни индивидуализм не оказывали значимого воздействия на самораскрытие. Фаталистическое мировосприятие в целом, согласно результатам, обнаруживало слабое раскрытие. Нам не удалось обнаружить различия между теми, кто находится в авангарде нового образа жизни (предпринимателями), и теми, кто остался в стороне от предпринимательской деятельности. Таким образом, предположения о психологическом расслоении обществ в эпоху экономических реформ, по крайней мере в этой области межличностных отношений, не подтвердились.

В середине 90-х годов применяемая методологическая схема казалась вполне адекватной. Сегодня же отсутствие явных различий в самораскрытии, анализировавшихся в связи с культурными параметрами (эгалитаризм, иерархичность, индивидуализм и фатализм), выделенными вслед за Дуглас, может свидетельствовать о следующем: для кросскультурного анализа различий необходимо изучение более содержательных и комплексных феноменов, а выбираемые “параметры”, несмотря на их видимую универсальность, не всегда служат надежными референтами.

ДВА ПУТИ РАЗВИТИЯ: ЗАКРЕПЛЕНИЕ СТАРОЙ И ЗАРОЖДЕНИЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

В самом конце 90-х годов сложившийся расклад теоретических сил в кросскультурной психологии был представлен двумя точками зрения. Первая ориентирована на развитие существующего с 80-х годов направления и принималась основоположниками современной кросскультурной психологии: Г. Триандисом и Р. Диаз-Герреро. Вторая, представляемая Г. Яходой и Д. Прайс-Уильямсом, отрицает перспективность традиционной парадигмы культурного сравнения [19, с. 38] и возлагает надежды на теоретические и ме-

тодологические возможности культурной психологии. Культура, в отличие от традиционной кросскультурной точки зрения, определяется ими не как “независимая переменная”, а как сущность, неотделимая от индивида. Эти авторы считают, что для эффективного продвижения исследований культуры в психологии исходные цели кросскультурной психологии должны формулироваться заново.

В рамках первого направления определились лидеры, совершенствующие и развивающие методологию кросскультурного сравнения. Наиболее заметен, на наш взгляд, вклад Г. Ховстеде, С. Шварца и М. Бонда, имеющих значительное число последователей. Именно они в рамках традиционного направления попытались преодолеть его внутреннюю ограниченность. Все трое шли к теоретическим обобщениям от исследовательской практики. Они известны прежде всего тем, что организовывали и проводили масштабные кросскультурные проекты, причем каждый из них стал основоположником влиятельных школ в кросскультурных исследованиях. Не являясь американцами по происхождению, они ратуют за борьбу с “этноцентризмом”, за мультикультурное понимание современного мира, за использование западных инструментов в кросскультурных исследованиях, за осознание преимуществ различных “культурных профилей”. По существу, в их теоретических схемах очень много общего - от преданности идее “измерения” культур по фиксированным параметрам до приверженности одной и той же феноменологии, лежащей в основе “измерений”, а именно ценностных феноменов.

Исследования различий между культурами в корпорации IBM, проведенные Ховстеде, принесли ему заслуженную известность.

В его масштабном проекте база данных была необычайно большой: работники 72 национальных отделений, представители 38 профессий, носители 20 языков; она составлялась в два разных момента времени: в 1968 и 1972 годах. В общей сложности было собрано более 116 000 опросников с более чем 100 стандартизированными вопросами в каждом [16, с. 251]. Статистическое распределение данных (факторный анализ средних значений для 32 вопросов по ценностям, оказавшимся стабильными и на первой, и на второй фазах исследования) создали четыре измерения (4-D): властная дистанция, индивидуализм-коллективизм, маскулинность-фемининность и избегание неопределенности. Для того чтобы преодолеть основной недостаток традиционных кросскультурных опросников, созданных и валидизированных на Западе, Ховстеде формирует опросник по результатам интервью, проведенных в семи странах, и проверяет его на валидность в четырех странах, правда, по его собственному признанию, в западных, что с методической точки зрения ослабляет исследовательский инструмент. Для нивелирования “евроцентристских” отклонений Ховстеде также прибегает к дополнительному опроснику (Chinese Value Survey), созданному М. Бондом в условиях китайской культуры, что позволяет выделить измерение национальных культур, названное “конфуцианским динамизмом” и включающее оппозиции “долговременной” и “краткосрочной” ориентаций. “Долговременная ориентация означает возвращение добродетелей, ориентированных на вознаграждение в будущем, в частности

настойчивость и экономность” [16, с. 261]. «Краткосрочная ориентация означает возвращение добродетелей, связанных с прошлым и настоящим, в частности с уважением к традиции, с сохранением “лица” и выполнением социальных обязательств» [там же с. 262].

Здесь, как и во всех других методических деталях, Ховстеде стремится следовать принципу культурного релятивизма Леви-Стросса, по возможности блокируя приоритеты собственной культуры. И нельзя не признать, что в рамках заданной методологии ему это во многом удается.

Ставя перед собой задачу изучения различий между культурами на национальном уровне через исследование “ядерного”, по его выражению, образования культуры – ценностей, Ховстеде, по сути дела, последовательно проводит традиционную теоретическую линию поисков культурных универсалий, начатую еще социальными антропологами 50-х годов. Тогда А. Инкелес и Д. Левинсон предположили, что существуют общие для всех культур темы, отражающие такие универсальные проблемы, как связь с авторитетом, концепция “Я” и способы улаживания конфликтов. Ховстеде, следуя этой же схеме, ищет “культурные измерения” и с помощью факторного анализа, охватившего 49% дисперсии, подтверждает их.

“Культурные измерения” всегда предполагают идею независимой культуры как оппозиции человеку, и, думается, метафора культуры как ментальной компьютерной программы и коллективного программирования (“Именно коллективное программирование разума отличает членов одной группы или категории людей от другой” [16, с. 5]) не меняет принципиальной посылки, накладывающей жесткие ограничения на методологию исследования: культура локализуется во вне личностей и независимо от них.

Компьютерная метафора не вполне объясняет и послующую организацию культуры, заявленную Ховстеде: “...люди заключают в себе несколько слоев ментального программирования, соответствующих разным уровням культуры” [там же, с. 10]: 1) национальный уровень, 2) уровень региональной и/или этнической, и/или религиозной, и/или языковой принадлежности, 3) уровень пола, 4) уровень поколения, 5) уровень социального класса, 6) организационный или корпоративный уровень. Идея одностороннего влияния культуры (даже имеющей послующее строение) на человека принципиально ограничивает возможности понимания того, как взаимодействуют ценности разных слоев культуры, как осуществляется выбор или принятие каких-либо ценностей на индивидуальном и групповом уровнях и почему ценности изменяются.

Шалом Шварц развивает парадигму “культурных измерений” через группирование ценностных оснований поведения.

В конце 80-х годов он проводит масштабное исследование 66 ценностей в 20 культурах [22], объединяя их в блоки, отражающие общую цель и тип мотивации. В результате им выделяется 10 таких типов: самостоятельность, стимуляция, гедонизм, достижение, власть, безопасность, конформизм, традиции, щедрость, универсализм (см. об этом [6, с. 132]). Последующие проекты позволили Шварцу специфицировать и выделить группы ценностей для культурных ареалов, включая Восточно-Европейский (см. об этом подробнее [7]), и выявить типичные для них ценности.

Результаты поиска единых “культурных измерений”, оснащенного хорошим статистическим аппаратом, обширной базой данных, отличающегося стремлением получить “обобщенные портреты” культур уже не по пяти, а по десяти параметрам, выглядят в методологическом плане очень респектабельно. Однако насколько ценностные феномены могут коррелировать с реальностью действий мыслей и поступков людей?

Различные списки “культурных измерений”, созданных западными авторами, начинают напоминать варианты перечней “качеств лидера”, типологии национальных характеров и прочие не слишком успешные попытки (как в известной притче о трех слепых и слоне в темной комнате) с одной фиксированной точки зрения “объять” многоуровневую, сложную (как по географии, так и по внутренней структуре) реальность культуры.

Майкл Бонд, канадец, живущий и работающий в Гонконге, делает еще одну интересную попытку преодолеть “этноцентрическую” ограниченность западной методологии в кросскультурных исследованиях. Он выдвигает в качестве центрального понятие социальных аксиом, которые представляют собой “общие верования, связанные с материальной, личностной, социальной и духовной реальностью” [12, с. 25].

Бонд с соавторами в 1989 г. разработали опросник социальных аксиом (SAS), состоящий из 82 пунктов. С его помощью в процессе валидации на пяти национальных группах они обнаружили пятифакторную структуру социальных аксиом, среди которых: социальный цинизм, вознаграждение за внимание, поведенческая гибкость, контроль над судьбой, духовность и межличностная гармония. Следующим шагом было распространение этого опросника в 10 различных странах мира, чтобы оценить его предикативную и дискриминантную валидность. Авторы стремились тем самым приблизиться к пониманию “номологической сети” социальных аксиом в каждой из национальных культур [12, с. 26]. Отчеты по региональным составляющим проекта были представлены на специально организованном симпозиуме в рамках V Европейского конгресса в 2001 г. в Уинчестере.

Если попытаться суммировать содержание этих отчетов, то участники проекта практически единодушны в признании такого преимущества методологии SAS, как сочетание в нем принципов универсализма и релятивизма. Релятивизм реализуется здесь предоставлением возможности (плюс к заложенным в опроснике пяти универсальным факторам) дополнять этот перечень местными социальными аксиомами с помощью специальной процедуры открытых вопросов. Опросник с открытыми вопросами содержал описание различ-

ных форм социального поведения, а затем данные подвергались контент-анализу. Выявленные таким образом “местные” аксиомы должны отражать связь ценностных феноменов с культурными формами поведения.

При всем уважении к высокой “технологичности” исследования нельзя не заметить, что стремление объединить принцип “культурного релятивизма” с универсалистским подходом тем не менее осуществляется под флагом “номологической” методологии. Ключевой же вопрос об адекватности “номологических” методов сложной ткани культуры остается открытым.

Перечисленные подходы, безусловно, развивают и совершенствуют методологию современного кросскультурного исследования. Они не перестают восхищать масштабами вложенных в них организационных усилий и широтой географии, но мало что прибавляют к изначальной теории. В такой теории, где культура не имеет человеческого лица, а определяется только историей и экологией, нет места активности человека; идея “запрограммированных” людей очень бихевиоральна, но мало современна.

Говоря о методологии, нельзя не заметить, что многоуровневый характер культуры слабо отражается в исследовательских программах, а результаты, достигнутые на пересечении гендерных и национальных, профессиональных и национальных групп, ставят вопросы о сходстве данных, полученных в разных этносах на одних и тех же социальных категориях (например, профессиональных), “поверх” национальных. Что можно в этом случае сказать о глубине и “влиятельности” культурных слоев?

Альтернативный подход декларирован Г. Яхдой и Д. Прайс-Уильямсом. Он предполагает большее погружение в проблемы культурной психологии и ориентирован на определенное отступление от традиционных целей кросскультурной психологии, которая, по их мнению, не рассматривает культуру как взаимосвязанную с индивидом и не проводит культурные сравнения по психологическим переменным, заключенным в культурной среде. Тем самым она не трактует контекст как многоуровневый [26, с. 108]. С этой точки зрения утверждается, что необходимо двигаться к культурной психологии и видеть, как одна переменная в изучаемой культуре связана с другими переменными в той же культуре. Таким образом, по мнению этих авторов, исходные цели кросскультурной психологии должны формулироваться заново для эффективного продвижения исследований культуры в психологии. Новый подход заявлен, но его эмпирическое продвижение связано с некоторыми методологическими проблемами, в частности с технологией культурного сравнения. Думается, определенные шаги в

этом направлении уже сделаны отечественными исследователями менталитета (см., например, [1, 5]) и последователями концепции социальных представлений.

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Действительно, одну из возможных реализаций нового взгляда на перспективы кросскультурной психологии дает концепция социальных представлений (СП), акцентирующая исследовательский интерес на социальном конструировании культурной реальности и его многоуровневом характере. Как известно, в этой концепции механизм социального конструирования объясняется процессами объективации СП, т. е. создания людьми новой социальной разделяемой ментальной реальности (см. об этом [3]). В конце 90-х годов в рамках этой концепции появляются работы, содержащие попытку связать идею социального конструирования с элементами кросскультурного анализа. Мы рассмотрим лишь основные направления культурного исследования СП, предложенные тремя крупными представителями концепции: У. Дуазом [10], И. Марковой [20], и В. Вагнером [25].

Работа У. Дуаза с коллегами [10], посвященная СП о правах человека в 35 странах мира, представляется знаменательной в этом плане. Основной идеей кросскультурного анализа СП стало изучение анкеровки СП на культурных ценностях. Анкеровка, как известно, в теории С. Московичи – это внедрение, закрепление сконструированной группами социальной реальности на разных уровнях и в разных контекстах.

Авторы придерживаются разработанной ими трехфазовой модели СП, которая предполагает, что анкеровка СП о правах человека в ходе его закрепления в общественном сознании осуществляется в трех основных контекстах: на ценностных ориентациях людей, на опыте их конфликтного взаимодействия и в национальном контексте, понимаемом как разделяемое людьми групповое членство [10, с. 4–5]. На выборке 6791 чел. (студенты университетов) при помощи дискриминантного анализа авторами была выявлена зависимость СП (зависимая переменная) от ценностей, классифицированных по Шварцу и Бонду, опыта конфликтного взаимодействия респондентов и национального контекста (независимые переменные). Зависимая переменная обнаружилась в исследовании вариации, которые описываются как четыре типа представления прав человека с позиций их “защитников” (наиболее благоприятные отклики о правах человека), “скептиков” (наименее благоприятные отклики), “персоналистов” (высокая личная вовлеченность и скепсис по отношению к правительственной эффективности) и “губернаменталистов” (низкая личностная вовлеченность и сильная вера в правительственную эффективность).

Тем самым авторы связывают традиционные феномены кросскультурного анализа – ценностные ориентации и личный опыт людей, с одной стороны, с содержанием их СП – с другой. Вместе с тем работа Дуаза с коллегами представляется в этом отношении знаменательным шагом в сторо-

ну изменения привычной методологии: от поиска культурных инвариантов к обнаружению культурно изменчивых ментальных феноменов – СП, постоянно конструируемых культурными группами.

Исследовательский прием, предложенный И. Марковой с коллегами [20], предполагает другое видение взаимоотношений культурных ценностей и СП. В этом подходе ценности рассматриваются как инкорпорированные в СП.

Авторы изучают СП о личности в шести странах Центральной и Западной Европы (1172 респондента) и полагают, что различные экономические и политические системы либо поощряли, либо отвергали соответствующие ценности индивидуализма, вследствие чего варьировались СП о личности. Авторы, используя идею Ж.-К. Абрика о ядре и периферии СП, приходят к вполне предсказуемым выводам о том, что у представителей всех исследованных стран имеется общее инвариантное ядро СП о личности. Впрочем, достаточно интересными выглядят результаты исследования содержания различий в периферии СП о личности у жителей Центральной (Венгрия, Чехия и Словакия) и Западной (Англия, Франция и Шотландия) Европы [20, с. 807–819]. Принципиальным же представляется вопрос о методе исследования: авторы считают основными эмпирическими референтами СП “лингвистически значимые потенциалы”, а именно языковые значения, которые различаются в разных культурах. На пути сравнения значений, связываемых с изучаемыми феноменами в разных языках, авторы столкнулись со множеством проблем, начиная с актуального политического контекста в разных странах и кончая чисто словарными различиями.

Оценка достоверности полученных в связи с этим результатов составляет самостоятельную проблему, однако попытка сравнения семантических пространств разных культур социально-психологическими методами, на наш взгляд, должна быть замечена.

Если два первых приведенных нами примера кросскультурных исследований СП содержат попытки связать процессы ментального конструирования с ценностными феноменами, традиционно изучаемыми кросскультурной психологией, то в работе В. Вагнера и его коллег [25] относительно СП войны и мира в Испании и Никарагуа, также имевшей широкий резонанс, акцент делается на изучении структуры СП в связи с феноменами коллективного коупинга, которые сопровождают процессы общественного дискурса.

Вагнер с соавторами опираются на идеи Московичи и Гимелли о том, что СП всегда формируется только в условиях коллективного дискурса, для возникновения которого “необходимо наличие проблемного, незнакомого феномена или тревожной ситуации, представляющей угрозу для ... социальной группы” [25, с. 332]. Авторы при помощи оригинального приема структурного анализа словесных ассоциаций пытаются доказать, что только в хорошо структурированном СП имеется стабильное ядро, содержащее эмоционально насыщенные элементы. Эти элементы, как полагают авторы, и играют существенную роль в процессах коллективного коупинга. Впрочем, содержание “стабильных ядер”, обнаруженных в исследовании, скорее отражает эмоциональную картину отношения к войне, чем смысловые интерпретации, “теории здравого смысла”, свойственные СП, обрзовавшимся в процессе коупинга.

Это, на наш взгляд, ставит под сомнение валидность методики. Кросскультурные различия, согласно этому методу, практически отсутствуют в содержании СП о войне. Различия в двух выборах обнаруживаются лишь в наличии или отсутствии структурированного СП о феномене “мира” (в мирной жизни Испании его нет из-за отсутствия общественного дискурса об этом явлении и, следовательно, необходимости коллективного коупинга). Между тем это исследование остается одним из наиболее цитируемых в литературе о СП. Опубликовано в 1996 г., оно послужило основой целого направления кросскультурных исследований СП через анализ словесных ассоциаций, а также контент-анализ текстов интервью (см., например, [4, 17]).

Думается, что, несмотря на методологические трудности, подход к культурным и кросскультурным явлениям через анализ СП и особенностей менталитета приближает нас к ответам на важные вопросы о том, как образуются новые культурные пласты, как найти взаимопонимание в мультикультурных обществах и каковы механизмы воздействия глобализма на местные культуры. Изучение СП, вероятно, является одним из кросскультурных подходов, направленных не столько на поиск культурных универсалий, сколько на комплексный качественный сравнительный анализ процессов социального конструирования в различных культурах, базирующийся на принципах единства культуры и субъектов (индивидуальных и коллективных) и включающий сравнительное исследование ментальных компонентов в контексте дискурса и исторической памяти.

Взгляд на движение идей и методологических схем исследований в кросскультурной психологии дает возможность увидеть, как расширилось за последние десять лет понимание сути кросскультурных различий. Акценты, переносимые с фиксации инвариантных параметров на своеобразие социально-психологических особенностей культур, были учтены исследователями из разных методологических лагерей при создании плацдармов для более содержательного, качественно ориентированного анализа. Думается, именно это направление поисков и позволит кросскультурной психологии сыграть свою роль в открытии новых перспектив для социальной психологии, перед которой неумолимо встает задача “необходимости глобальных изменений в теоретических подходах” [2, с. 9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 7–37.
2. Андреева Г.М. В поисках новой парадигмы: традиции и старты XXI в. // Социальная психология в современном мире. М., 2002. С. 9–26.
3. Емельянова Т.П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психол. журн. 2001. Т. 22. № 6. С. 39–47.
4. Емельянова Т.П. Социальное представление как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психол. журн. 2002. Т. 23. № 4. С. 56–66.
5. Знаков В.В. Кросскультурные различия в понимании лжи // Российский менталитет: психология личности, сознание, социальные представления. М., 1996. С. 73–85.
6. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.
7. Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 3. С. 73–87.
8. Стефаненко Т.Г. Социальная психология в культурно-исторической перспективе // Социальная психология в современном мире. М., 2002. С. 27–41.
9. Bond M., Smith P. Cross-cultural social and organizational psychology: Coming of age? // Annual review of psychology. 1996. № 47. P. 205–235.
10. Doise W., Spini D., Clemence A. Human rights studied as social representations in a cross-national context // European j. of social psychology. 1999. № 29. P. 1–29.
11. Douglas M. Introduction to grid/group analysis // Essays in the sociology of perception. L., 1982. P. 1–8.
12. Fifth European regional congress: programme and abstracts. Winchester, UK. July 7–11, 2001.
13. Goodwin R., Emelyanova T. The privatization of the personal? II: Attitudes to the family and child-rearing values in modern-day Russia // J. of social and personal relationships. 1995. V. 12. № 1. P. 132–138.
14. Goodwin R., Emelyanova T. The perestroika of the family? Gender and occupational differences in family values in modern day Russia // Sex roles. 1995. № 5/6. V. 32. P. 337–351.
15. Goodwin R., Nizharadze G., Nguyen Luu L.A., Kosa E., Emelyanova T. Glasnost and the art of conversation: A multilevel analysis of intimate disclosure across three former communist cultures // Cross-cultural psychology. 1999. V. 30. № 1. P. 72–90.
16. Hofstede G. Cultures and organizations : Software of the mind. L.: McGraw-Hill Book Company, 1991.
17. Lacassagn, M.-F., Salès-Wuillemin E., Castel P., Jebrane A. La catégorisation d'un exogroupe a travers une tache d'association de mots // Papers on social representations, textes sur les représentations sociales. 2001. № 10. P. 1–11.
18. Leung K., Bond M. On the empirical identification of dimensions for cross-cultural comparisons // J. of cross-cultural psychology. 1989. № 20. P. 133–151.
19. Lonner W., Dinnel D., Forgays D., Hayes S. (eds.). Merging past, present, and future in cross-cultural psychology: selected papers from the fourteenth international congress of the International association for cross-cultural psychology. Lisse: Swets & Zeitlinger, 1999.

20. Markova I., Moodie E., Farr R. et al. Social representations of the individual: a post-communist perspective // European j. of social psychology. 1998. V. 28. № 5. P. 797–827.
21. Saraswathi T.S. Many deities, one god : Towards convergence in cultural and cross-cultural psychology // Culture & psychology. 1998. № 4(2). P.147–160.
22. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology. N.Y., 1992. V. 25. P. 11–66.
23. Social psychology in cross-cultural perspective. N.Y., 1993.
24. Triandis H.C. Culture and social behaviour. N.Y., 1994.
25. Wagner W., Valencia J., Elejabarrieta F. Relevance, discourse and the “hot” stable core of social representations – A structural analysis of word associations // British j. of social psychology. 1996. V. 35. № 3. P. 331–351.
26. Vo E.D. Merging or diverging? Future directions in cross-cultural psychology // Culture & psychology. 2001. V. 7. № 1. P.105–114.

CROSS-CULTURAL PSYCHOLOGY: PROBLEMS AND TENDENCIES OF DEVELOPMENT

T. P. Emel'yanova

*Cand. sci (psychology), docent, head of the chair of social psychology,
dean of psychological faculty of Tver State University, Tver*

The history of cross-cultural psychology and its main directions during 1960–1990 years are analyzed. The results of international research with author's participation devoted to self-revelation in communication based on studying of M. Douglas' cultural characteristics. There are distinguished two leading tendencies in methodology of cross-cultural psychology that were formed in 1990-ies. The comparative analysis of the main empirical approaches of the named period is made (G. Hofstede, S. Schwartz, M. Bond). Methodological schemata and results of cross-cultural researches made within the framework of social representations conception are discussed.

Key words: cross-cultural approaches, intercultural differences, social representations.